

ВИКТОР СЕРЖ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЛЕНИНГРАДА 1920–1930-х ГОДОВ

Д. А. Баринов

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Поступила в редакцию 22 мая 2023 г.

Аннотация: большой террор 1937–1938 гг. оборвал жизни подавляющего большинства участников Лево́й оппозиции в ВКП(б) 1920-х гг., которые отстаивали более демократический курс развития Советской России. Из-за этого история внутривнутрипартийной борьбы первого советского десятилетия крайне скудно освещена источниками личного происхождения и свидетельствами современников. Одно из редких заметных исключений – это мемуары бельгийского революционера и писателя русского происхождения Виктора Сержа (Виктора Львовича Кибальчича, 1890–1947). Его воспоминания и публицистика являются ярким свидетельством низовой работы оппозиции в Ленинграде; будучи знакомым как с рядовыми оппозиционерами, так и со старыми большевиками, в своих текстах он излагает целый ряд уникальных свидетельств и наблюдений. На основании его мемуаров, а также с привлечением следственных дел ОГПУ (из ЦА ФСБ) и материалов партийных ячеек мы постараемся подробнее остановиться на ленинградском периоде его политической биографии.

Ключевые слова: Виктор Серж, Левая оппозиция, ОГПУ, политическая ссылка, внутривнутрипартийная борьба в ВКП(б).

Abstract: the Great Terror of 1937–1938 cut short the lives of the majority of participants in the Left Opposition in the CPSU (b) of the 1920s, who defended a more democratic course for the development of Soviet Russia. Because of this, the history of the inner-party struggle of the first Soviet decade is extremely poorly covered by sources of personal origin and the testimonies of contemporaries. One of the rare notable exceptions is the memoirs of the Belgian revolutionary and writer of Russian origin Victor Serge (Viktor Lvovich Kibalchich, 1890–1947). His memoirs and journalism are clear evidence of the grassroots work of the opposition in Leningrad. Being familiar with both ordinary oppositionists and old Bolsheviks, in his texts he sets out a number of unique testimonies and observations. On the basis of his memoirs, as well as with the involvement of the investigation files of the OGPU (from the Central Administration of the FSB) and materials from party cells, we will try to dwell in more detail on the Leningrad period of his political biography.

Key words: Victor Serge, Left opposition, OGPU, political exile, intra-party struggle in the CPSU(b).

В последние десятилетия благодаря усилиям историков и переводчиков личность Виктора Сержа и его творчество стали занимать надлежащее место в историографии и литературоведении. Яркая политическая биография Сержа, его незаурядный литературный и публицистический талант продолжают исследоваться и в настоящее время. В своих рассказах, воспоминаниях и статьях он предлагал критику Советской России слева, т. е. с позиции демократического социализма [1]. При этом Серж не выступал исключительно как литератор, он был вовлечен в работу левой оппозиции в Ленинграде в 1920–1930-х гг., держал связь со многими видными большевиками – Л. Д. Троцким, И. Н. Смирновы, Х. Г. Раковским и др. Этот период его биографии известен лишь в общих чертах. Единственная монография о Серже (авторства С. Вейссман [2]) воспроизводит ленин-

градский период его жизни, опираясь лишь на мемуары последнего [3; 4]. С опорой на документы партийных ячеек и ОГПУ мы постараемся раскрыть этот сюжет более полно, определив подлинное значение Сержа для истории левой оппозиции.

Потомок политических мигрантов из России, Серж рано начал свою революционную биографию. В 1913–1915 гг. он был причастен к группе бельгийских анархистов, за что отбыл тюремное наказание. После победы Февральской революции 1917 г. Серж пытался переехать в Россию, однако вновь был арестован. Попастъ на историческую Родину ему удалось только в начале 1919 г., когда Сержа обменяли на арестованного ЧК французского офицера. Уже в 1923 г. он примкнул к левой оппозиции в РКП(б), сформировавшейся вокруг «Нового курса» Троцкого и Заявления 46-ти, подготовленного группой старых большевиков. Инспирированное ими обсуждение проблем внутривнутрипартийного устройства прошло во всех партийных ячейках страны. В отличие от Москвы в Петрограде оппозиция практически не имела

заметного успеха, резолюции в ее поддержку были приняты только в ряде вузов и коллективов Балтийского флота в Кронштадте. Однако в это же время в Петрограде сформировался так называемый троцкистско-децистский центр – группа сторонников Л. Д. Троцкого и лидера демократического централизма (децизма) Т. В. Сапронова [5, с. 36]. В нее входил и Виктор Серж, трудившийся в ту пору в структуре Коминтерна. Источники не позволяют установить точную численность и состав этой группы, поэтому отметим некоторые заметные фигуры: Т. И. Харечко (глава университетского рабфака), А. Л. Бронштейн (первая супруга Троцкого, сотрудница Облоно), Н. И. Карпов (научный сотрудник Коммунистического университета, преподаватель ЛГПИ им. Герцена), впоследствии лидирующие позиции в группе занял Ф. Н. Дингельштедт (ректор Лесного института). Нетрудно заметить, что петроградские сторонники Троцкого не были представлены крупными фигурами из числа большевистской элиты.

После разгрома оппозиции на XIII съезде партии в 1924 г. вплоть до 1926 г. петроградские «троцкисты» не предпринимали активных действий, очевидно, ограничиваясь поддержкой личных контактов. Ситуация изменилась после решения о заключении блока со сторонниками новой оппозиции. Ее появление датировано декабром 1925 г., когда на XIV съезде партии Г. Е. Зиновьев и его соратники по партийной работе в Ленинграде попытались предложить собственную программу развития советского государства по ряду ключевых вопросов. Как и в случае с троцкистами, зиновьевцы в ходе работы съезда оказались разгромлены, а наиболее яркие сторонники новой оппозиции переведены на работу в провинцию. Весной 1926 г. верхушкой двух оппозиционных групп было принято решение о создании Объединенного блока. Этот шаг был очевидным противоречием, так как к тому моменту Троцкий и Зиновьев уже на протяжении нескольких лет обменивались крайне резкими критическими выпадами, а бывший глава Ленсовета и вовсе выступил как один из организаторов политического поражения Троцкого. О своем замешательстве вспоминал и Серж: «Известие о договоре, заключенном Троцким с “ленинградской оппозицией”, ошарашило нас. Как нам садиться за один стол с бюрократами, которые преследовали и хулили нас. Которые убили честь и ум нашей партии?». В дни обсуждения блока с Зиновьевым Серж отправился в Москву для беседы с Троцким, желая выразить ему свои сомнения в обоснованности такого шага. Аргументы, озвученные бывшим наркомвоенмором, сводились к тому, что для победы оппозиции необходим союз рабочих двух крупнейших промышленных центров – Москвы и Ленинграда [3, с. 258–259].

После целой череды совещаний, конфликтов и склок к концу 1926 г. все же удалось сформировать структуру блока. В общих чертах она должна была дублировать сеть партийных ячеек. По подобию ВКП(б) существовали районные оппозиционные комитеты и группы при крупных учреждениях. Низовые группы имели смешанный состав из троцкистов и зиновьевцев. При этом сторонники Троцкого, в численном составе заметно уступавшие бывшей новой оппозиции, пытались перетянуть на свою сторону наиболее подготовленные кадры из числа зиновьевцев. Основные положения программы оппозиции были изложены в Заявлении 83-х и Проекте платформы большевиков-ленинцев, подготовленных в течение 1927 г.

Источники дают крайне противоречивую картину о месте Сержа в установившейся структуре. С одной стороны, в своих воспоминаниях он относит себя к ряду руководящей группы сторонников Троцкого; детали внутривнутрипартийной жизни, изложенные в его сочинениях, не оставляют сомнений в том, что он находился в центре оппозиционной борьбы. С другой стороны, проработанные нами многочисленные материалы ОГПУ и Контрольных комиссий ВКП(б), касающиеся работы ленинградских оппозиционеров разного уровня, не содержат никаких упоминаний о Серже (за исключением сведений о его исключении из партии в 1928 г.). Такая ситуация крайне не типична для руководителей оппозиции, фамилии которых фигурировали как в донесениях, так и в показаниях самих участников блока Троцкого-Зиновьева. Можно предположить, что авторитет Сержа и его международная известность обусловили его особое положение в структуре движения, при которой он мало взаимодействовал с партийной массой и практически не участвовал в работе с рядовыми оппозиционерами, так как именно последние перед угрозой ареста или исключения из партии давали обстоятельные показания о своей «фракционной работе». Серж, вероятно, был задействован для поддержания связей со сторонниками за границей и для работы с московскими лидерами. Он вспоминал, что входил в «международную комиссию» оппозиции, которая следила за революционными событиями в других странах, во Франции он был членом редакции «Кларте» («Clarté») – будущего журнала местных троцкистов [там же, с. 262].

Однако это вовсе не означало, что Серж оказался в стороне от оппозиционной «рутины». Одной из задач оппозиционера было выступление партийной ячейки своего рабочего коллектива с критикой политики большинства ЦК ВКП(б) и Сталина-Бухарина лично. Вступив в 1925 г. в ряды большевиков, Серж получил возможность приобщиться к партийной работе. В 1926–1928 гг. он трудился в типографии

им. Володарского, издававшей популярную газету «Красная звезда»; в ее ячейке он и пытался отстаивать взгляды оппозиции. В этой работе Серж не был одинок, вместе с ним выступал публицист Василий Никифорович Чадаев (1893–1928), писатель, фельетонист Даниил Юльевич Гессен (1897–1943) и два молодых работника типографии Александр Алексеевич Исаев (1903 – после 1952 г.) и Ефим Ильич Ленский (1900 – ?). Протоколы ячейки типографии содержат лишь короткие выжимки из выступлений оппозиции и плохо передают атмосферу выступлений. Ее в своих воспоминаниях описывал сам Серж: «Как только мы открывали рот, раздавались реплики и возгласы, даже оскорбления: “Предатели! Большевики! Пособники буржуазии!” Следовало спокойно заметить председателю, что потеряно полминуты, и начать с рубленой фразы. Кто-то в президиуме торопливо делал заметки для горкома и ЦК. Зал следил за этим поединком безмолвно. Кричали десятка два старательных: мы давали отпор лишь им, уязвленные молчанием остальных» [там же]. Отметим, что «крикуны» ничего не имели против Сержа лично – такая тактика срыва оппозиционных выступлений применялась сторонниками большинства ЦК во всех крупных партийных ячейках.

Какие же идеи сквозь звучащие обструкции Серж пытался донести до товарищей по партии? Он затрагивал проблему зажима внутрипартийной демократии и общей атмосферы в партийных коллективах: «Я могу привести факты, что у нас имеются немецкие концессии, которым разрешено ввозить и вывозить свой к[апитал] бесконтрольно. Здесь я хочу остановиться на том, что травля на оппозиционеров ведется. Т[оварищ] Зиновьев пишет статью о войне, эта статья не печатается, Томский же крадет материал из этой статьи и выдает за свой. Мы получили около 800 заявлений с просьбой напечатать их, а те т[оварищи], которые сняли свою подпись под [Заявлением] 83-х – все благодаря нажиму, благодаря аресту и голоду». Многие члены партии, отмечал Серж, боялись выступать в пользу оппозиции, опасаясь увольнения. Сержа беспокоил возможный раскол в партии, отсечение опытных вождей, что могло пагубно сказаться на советском государстве в условиях приближающейся войны, угроза которой активно обсуждалась в те месяцы. Сталин губит партию, так как отвергает опыт таких вождей, как Троцкий и Зиновьев и их стремление обратиться к мировому пролетариату – заключал Серж [6, л. 159]. Еще более яростные выпады в адрес Сталина он позволял себе при обсуждении политик в отношении Китайской революции: «Для генерального секретаря его собственный престиж бесконечно дороже, чем кровь китайских пролетариев» [3, с. 263].

При этом оппозиционерам приходилось не только атаковать, но и самим защищаться от обвинений в

раскольничестве, фракционной борьбе и подрыве партийной дисциплины. На подобные выпады Серж возражал: «Разве это правильно, что важные вопросы партии обсуждались без членов партии, вы своей тактикой доведете партию до полного крушения. Вопрос о выводе т. Троцкого и Зиновьева из Политбюро решался без осуждения. Это насмешка над членами партии. Мы протестуем против вмешательства ГПУ в партийные дела, оно не должно вмешиваться в наши дела» [6, л. 208].

Серж признавал, что агитация в ячейке давала малый эффект во многом из-за того, что руководство Бюро партийного коллектива задавало тон дискуссии, характеризуя оппозиционные выступления как «ложь» и «истеричку» «гастролирующих жонглеров» [там же, л. 161]. Противники оппозиции прибегали к помощи активистов, которые в большом числе записывались на прения, чтобы сократить среднее время выступлений по докладу. Нездоровое ведение дискуссии Серж связывал также с характером состава ячейки. Примерно из 400 ее членов 387 человек принадлежали к так называемому «ленинском призыву», т. е. были приняты по облегченной форме после смерти В. И. Ленина. Они, намекал Серж в своих воспоминаниях, были более лояльны начальству, менее критически воспринимали партийную действительность, в отличие от тех, кто имел опыт подпольной борьбы или Гражданской войны [3, с. 261]. Многие молодые члены партии проявляли усердие в разгроме оппозиции исходя из карьерных соображений.

Между тем публичные выступления в коллективе начали давать результаты, пусть и весьма скромные. После одного из заседаний к Сержу и Чадаеву подошел молодой печатник (вероятно, А. А. Исаев), который сказал, что несколько десятков человек сочувствуют их взглядам, однако боятся выступать, опасаясь увольнения. Подобный случай не был единственным, сообщалось о многих скрытых сочувствующих и в других коллективах, что вселяло в оппозиционеров умеренный оптимизм [6, л. 159].

Другой задачей оппозиции была организация смычек, т. е. встреч лидеров оппозиции с рядовым активом. Так Серж вспоминал об атмосфере этих встреч: «Полсотни человек набилось в комнатенку вокруг располневшего и бледного Зиновьева, с курчавой шевелюрой и севшим голосом. На другом конце стола Троцкий, заметно постаревший, почти совсем седой, осанистый, с резко очерченными чертами лица, всегда находивший умный ответ <...> Добровольцы наблюдали за дворами и подходами, так как в любой момент могло вмешаться ГПУ. Просто и убедительно выглядели вожди диктатуры пролетариата, еще недавно недостижимые, возвратившись в бедные кварталы искать поддержку у простых

людей» [3, с. 262]. Организовывал Серж у себя на квартире выступление Радека. Серж и сам выступал в рабочих кружках, для конспирации ему приходилось пользоваться вымышленным именем и проводить заседания на окраинах, в том числе на заброшенных кладбищах. Серж стал участником и немногих массовых выступлений оппозиции – на 10-й годовщине Октябрьской революции 7 ноября 1927 г. в Ленинграде и несколько дней спустя в Москве на похоронах сторонника Троцкого известного дипломата А. А. Иоффе.

Несмотря на локальные успехи в пропаганде и развитии структуры оппозиции в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) оформил ее разгром, после чего исключение и аресты троцкистов, зиновьевцев и децистов приобрели массовый характер. В начале 1928 г. эта же судьба постигла и Сержа. На заседании Контрольной комиссии он отметил, что как член партии подчиняется решениям съезда, однако не согласен с отсечением оппозиции, исключением из партии старых большевиков [7, л. 152 об.]. Через непродолжительное время он был арестован и выпущен спустя 7–8 недель. Непродолжительный срок своего ареста он объяснял большим возмущением среди французских коммунистов и литераторов.

В первые годы после исключения из партии, очевидно, Серж не бросал оппозиционной работы. В 1929 г. румынский коммунист Панаит Истрати опубликовал во Париже под своим именем сочинение Сержа «Страна Советов в 1929 г.» («Soviets 1929»), которое тайно из СССР вывез один из сочувствующих оппозиции иностранцев [2, р. 167–168]. Такая конспирация требовалась, чтобы не допустить компрометации Сержа. Очерк написан как впечатление иностранца о Советской России и представляет собой жесткую критику сталинской политики тех лет. В нем говорилось о правильно предсказанном оппозицией кризисе хлебозаготовок, непродуманности индустриализации, зажиме политических и творческих свобод. Выход виделся в активизации революционного движения западных стран, именно к европейским коммунистам взывала финальная часть публикации [Ibid., р. 169].

Сложно оценить, какую роль играл Серж в структуре оппозиционного подполья. Как мы уже говорили, в следственных делах наиболее известных оппозиционеров Ленинграда конца 1920-х – начала 1930-х гг. он не упоминается. Есть основания полагать, что вряд ли эта работа была активной. Конечно, международная известность Сержа давала ему некоторую защищенность от репрессий и публичных гонений. Однако, несомненно, что если бы он все же продолжал находиться в числе организаторов фракционной работы, международное признание не спасло бы его от ареста. Дата и обстоятельства ареста

Сержа также говорят в пользу нашего предположения. Арест состоялся в начале 1933 г., к тому моменту в Ленинграде были разгромлены последние немногочисленные оппозиционные кружки [8]. Вероятно, внимание к Сержу было результатом вялотекущей борьбы ОГПУ с бывшими оппозиционерами. Как правило, даже отказавшись от политической активности, вчерашние «фракционеры» поддерживали личные контакты, устраивали неформальные встречи и т. д., что рассматривалось как проявление контрреволюционной работы. Например, только за факт личных контактов в 1933 г. в Ленинграде аресту подверглись представители самых разных бывших оппозиционных течений – А. А. Санталов (троцкист), З. Н. Гайдерова (сторонница Зиновьева), М. Л. Ширвиндт (буферная группа), О. Б. Остроумов (децист) и др. При этом Сержу реальных обвинений так и не предъявили – его арест стал результатом провокации ОГПУ.

Сейчас для исследователей не является секретом тот факт, что политическая работа Троцкого за границей велась под пристальным наблюдением ОГПУ / НКВД. Для более тщательной слежки в его окружение было внедрено несколько агентов. Самый известный из них – польский коммунист Марк Зборовский. Исключительно шпионажем работа ОГПУ не ограничивалась. Для дезорганизации и скрытого саботажа работы оппозиции за границей в число ее активистов были внедрены немецкие коммунисты Рувелис и Абрахам Соболевичусы [9; 10, с. 236–237]. Именно последний и сыграл в судьбе Сержа трагическую роль. В 1932 г. под именем Соболевича Абрама Адельевича (во всяком случае так указано в протоколе допроса) Соболевичус «по заданию Троцкого» приехал в Москву для налаживания связи со сторонниками. В его распоряжении были адреса бывшей жены Троцкого А. Л. Соколовской-Бронштейн, ее сестры и Сержа. Из встречи с Сержем ему удалось узнать, что тот имеет связи с Троцким и ведет переписку с ссыльными и зарубежными троцкистами; он был в курсе текущих дел оппозиции, встречался с бывшим наркомом почты и телеграфа И. Н. Смирновым. В изложении Соболевича таково было мнение Сержа о внутреннем положении СССР: установление фашизма в СССР неминуемо, от старой ВКП(б) ничего не осталось; кругом шпионы, за дверями каждой комнаты стоит агент ОГПУ. Выход из кризиса виделся в изменении внешнеполитической конъюнктуры и работы заграничных сторонников, поэтому необходимо публиковать критику СССР за ее пределами. Со слов Соболевича, Серж сам стремился выехать за границу, обращался по этому поводу к М. Горькому. Была надежда и на перемены во внутреннем курсе СССР. Они были связаны с якобы имеющимся расколом в Политбюро, где В. М. Молотов и Л. М. Кага-

нович выступали за смещение Сталина. Сложно сказать, насколько показания Соболевича были достоверны. Однако отметим, что сообщенные им сведения, послужившие основанием для ареста Сержа, ничего не говорили об организаторской работе Сержа; по существу ему вменялась только переписка и сохранение связей с соратниками по оппозиции [11, л. 45–47 об.].

7 марта 1933 г. Виктор Серж был арестован в Ленинграде и затем переведен для следствия в Москву. Предчувствуя подобный поворот, за несколько недель до ареста он отправил во Францию письмо-«завещание» «Все под вопросом», которое велел опубликовать в случае своего исчезновения, что и было сделано в мае [2, р. 185–186]. На допросе Виктор Серж проявил известное мужество, отрицая все выдвинутые обвинения. Содержание этих допросов, согласно протоколам ОГПУ, отличается от того, как описывал их Серж в своих воспоминаниях. В отличие от многих бывших коллег по оппозиции он не давал ни признательных показаний, ни раскаивался в своих прошлых поступках, прямо заявляя об имеющихся разногласиях. Во время допроса он заявил о расхождении с политикой партии в международном вопросе, с установившимся недемократическим режимом. При этом он подчеркнул, что сохраняет уважение к ВКП(б) и подчиняется ее руководству, выразил готовность выполнять любые задачи, но сохраняет за собой право на самостоятельную теоретическую и философскую мысль, которая может принять форму критики [11, л. 18–19]. Отметим, что в упомянутом нами письме-«завещании» Серж был куда более резок в своих высказываниях о партии: он отвергал всяческий партийный патриотизм, который позволял в угоду политическому единству замалчивать любую критику и прямо указывал на то, что ВКП(б) не способна ни на реформу, ни на продолжение революции [2, р. 188].

На текущий момент Серж ставил себя вне политики, отстаивая идеи «пролетарского гуманизма». При этом писатель прямо говорил о своих претензиях к текущему политическому режиму. В ходе допроса он заявил о многих вопросах в отношении быта – «он нездоров и жесток», нетерпимо отношение к инакомыслию. Нужно, считал Серж, неполитическое объединение мысли всех оппозиционеров, анархистов, синдикалистов и т. д. Заявлял Серж и о несогласии с линией построения социализма. Для развития социализма в СССР сделано многое, достигнуты большие результаты, но его полная победа возможна только после революции в главных странах Европы. Выход из капитализма и фашизма он видел только в союзе революционеров по линии Москва – Берлин [11, л. 26–27]. Для этого было сделано мало, как и для противостояния фашизму в целом; ключевая

ошибка, с его точки зрения, заключалась в том, что в 1920-е гг. недостаточно поддерживали Э. Тельмана, дав тем самым укрепиться П. фон Гинденбургу.

Участие в политической работе Серж отрицал, говоря, что в последние годы занимался исключительно литературным трудом. Активная переписка, которую ОГПУ рассматривал как поддержание фракционных связей, носила творческий характер. Переписку он вел с французским оппозиционером Пьером Навиллем (племянник А. Жида), имел отношения с советскими литераторами – Б. И. Пильняком, О. Э. Мандельштамом, Б. М. Эйхенбаумом, К. А. Фединым, Б. К. Лившицем. Серж в это время принадлежал к группе французских писателей, концентрировавшейся вокруг журнала «Еurore»; среди них Ромен Роллан, Жан Геено, Жан-Ришар Блок, Люк Дюртен (в протоколе все фамилии записаны с ошибками), с которыми также обменивался письмами. Свое творчество Серж оценивал как идущее на пользу СССР, так как среди западных коммунистов его сочинения получали высокую оценку; хотя в действительности судьба его текстов в Европе не была простой [2, р. 157–158]. Связь с Троцким, как позднее вспоминал Серж, оборвалась довольно быстро, спустя пару лет после его высылки: «В 1929 году мне удалось переслать Троцкому объемистую корреспонденцию из Верхнеуральского изолятора, написанную микроскопическими буквами на тонких полосках бумаги <...> Меня даже приводило в восхищение, как плотно можно замкнуть интеллектуальные, или, точнее, полицейские границы огромной страны. Мы узнавали о направлении мысли Троцкого лишь со слов чиновников, арестованных по возвращении из-за границы, они обсуждали эту тему в тюремных дворах, последних прибежищах свободного социалистического мышления в СССР. Мы сильно огорчились, узнав, что по большинству важных вопросов Троцкий, не лучшим образом вдохновляемый своим партийным патриотизмом, глубоко ошибался» [3, с. 315].

Однако непримиримая позиция Сержа, отрицание выдвинутых против него обвинений не спасли его от высылки в Оренбург. Ключевую роль сыграли признательные показания младшей сестры Сержа А. А. Русаковой. В следственном деле Сержа нет протокола ее допроса, поэтому сложно установить, в действительности ли она показала на Сержа (сам писатель отказывался в это верить и требовал очной ставки) или это был способ давления следствия. Даже находясь в ссылке, в тяжелых материальных условиях, вдалеке от своих товарищей и вне привычных связей Серж не оставлял творческой и теоретической работы. На новом месте он сошелся с рядом оппозиционеров, которые отказывались капитулировать, т. е. признавать ошибочность своих взглядов. Среди них А. С. Санталов, В. Ф. Панкратов, В. М. Черных,

Х. М. Певзнер, Б. И. Лаховицкий, И. Бык, Ф. Упштейн, Б. М. Эльцин.

Для того что бы устоять перед искушением вернуться в партию и продолжать отстаивать собственные убеждения ценой личного комфорта и благополучия, требовалось известное мужество. В узкой среде десятка стойких оппозиционеров шла активная теоретическая работа, собирались заседания, где обсуждались вопросы текущей политики. Так, например, осуждению подверглось вступление СССР в Лигу наций, что, рассматривалось как свидетельство перехода от борьбы с классовым врагом к сотрудничеству с ним; обсуждались перспективы создания в СССР новой рабочей партии [11, л. 17, 43]. Серж делал доклады о положении Коммунистической партии во Франции и выделении в ней оппозиционной части. При этом Серж был достаточно хорошо информирован о предмете своего доклада (насколько это могло быть в условиях ссылки). Он получал из Парижа письма и газеты, вел переписку с Борисом Сувариним, сторонником оппозиции во Франции. Очевидно, из этих писем он почерпнул пересказанную ссылкой товарищам новость о подготовке Четвертого интернационала [там же, л. 24–26].

Благодаря заступничеству Ромена Роллана, в 1936 г. Серж был освобожден из ссылки и получил возможность покинуть СССР. Оставшееся десятилетие, проведенное на свободе, он посвятил не только литературным трудам, но и составлению свидетельств о политической и культурной жизни Советской России 1920–1930-х гг. Благодаря его усилиям мы можем составить представление об ином, леводемократическом взгляде на Октябрьскую революцию и ее развитие [12]. Его публикации стали важными источниками для изучения истории левой оппозиции. Мало кому из ее участников повезло так, как Сержу, – жизни большинства из них оборвались в годы Большого террора. Поэтому изучение воспоминаний о внутрипартийной борьбе 1920-х гг. и анализ биографий ее участников видятся одним из перспективных

направлений в изучении Советской истории этого периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виктор Серж : социалистический гуманизм против тоталитаризма : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 29–30 сент. 2001 г.) / под ред. А. В. Гусева. – М. : Праксис, 2003. – 178 с.
2. *Weissman S. Victor Serge : A Political Biography / S. Weissman.* – London ; NYC, Verso Book, 2013. – 368 p.
3. *Серж В.* От революции к тоталитаризму : воспоминания революционера / В. Серж. – Оренбург : Оренбург. кн. ; М. : Праксис, 2001. – 686 с.
4. *Sedova-Trotskaya N. The Life and Death of Leon Trotsky / N. Sedova-Trotskaya, V. Serge.* – Chicago, Haymarket Books, 1973. – 328 p.
5. *Стефаненко А. Ю.* Внутрипартийная борьба в Ленинграде. 1926–1933 гг. : дис. ... канд. ист. наук / А. Ю. Стефаненко. – СПб., 2021. – 277 с.
6. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). – Ф. 7. – Оп. 1–3. – Д. 2715.
7. ЦГАИПД СПб. – Ф. 1059. – Оп. 1. – Д. 174.
8. *Баринов Д. А.* Группы левой оппозиции в Ленинграде 1930–1932 гг. / Д. А. Баринов // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2023. – № 2 (47). – С. 70–74.
9. История Марка Зборовского : сталинский шпион в Четвертом Интернационале // World Socialist Web site. – URL: <https://www.wsws.org/ru/articles/2017/07/05/zbor-j05.html> (дата обращения: 01.05.2023).
10. *Фельштинский Ю. Г.* Лев Троцкий. Книга 4. Враг № 1 / Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский. – М. : Центрполиграф, 2013. – 544 с.
11. Центральный архив Федеральной службы безопасности. – Д. Р-35567.
12. *Гусев А.* На пути к «лагерной вселенной». «Доклад о наказании в СССР лиц, виновных в инакомышлении» Виктора Сержа / А. Гусев, Ю. Волохова // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 2 (162). – С. 248–251.

Санкт-Петербургский институт истории РАН
Баринов Д. А., кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела современной истории России
E-mail: barinovdima1990@yandex.ru

St. Petersburg Institute of History RAS
Barinov D. A., Candidate of Historical Sciences,
Researcher at the Department of Modern History of Russia
E-mail: barinovdima1990@yandex.ru